

Ассистент убийцы

Автор:

Валерий Шарапов

Ассистент убийцы

Валерий Георгиевич Шарапов

Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив

В послевоенном Пскове одно за другим происходят два похожих ограбления. В обоих случаях преступники похищают картины известного художника Шапиро, эмигрировавшего в 20-е годы из СССР. Следствие поручено начальнику оперативного отдела Павлу Звереву. Сыщикам удастся установить, что жертвы обоих ограблений когда-то вместе работали в неврологическом отделении одной и той же больницы, а будущий художник Шапиро был их пациентом. Возможно, кто-то знавший об этом, решил собрать свою коллекцию ценных полотен... Эта версия оставалась рабочей, пока Зверев и его оперативники не вышли на след легендарной банды, орудовавшей в Пскове еще до войны...

Валерий Георгиевич Шарапов

Ассистент убийцы

© Шарапов В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

Сиверс-Херенхауз, земля Рейнланд-Пфальц,

Германия, май 1945

Когда с улицы донеслись первые грозные раскаты, Хумберт Пауль фон Зиверс ан дер Майн, носивший титул фрайхерра, то есть барона, подошел к окну и распахнул ставни. Глядя на темно-сапфировые облака, сгущающиеся над усадьбой, этот худощавый сорокапятилетний мужчина, облаченный в чистую сорочку и малиновый смокинг, сшитый из тончайшего бархата, снял очки, протер их носовым платком и снова водрузил на нос. Подбородок барона был гордо поднят, глаза яростно блестели, победный клич так и рвался из его колыхающейся груди. В этот момент он сам себе казался истуканом, высеченным из мрамора, эдаким небожителем, способным побороть любую стихию, одолеть самого страшного врага.

Да! Он это сделал, завершил свою работу. Ему осталось лишь нанести последний, финальный штрих.

Скрипнула дверь. В комнату вошла светловолосая женщина в черном шелковом халате, голубоглазая, с ярко накрашенными губами. Она поставила на стол поднос с двумя бокалами, бутылкой коньяка «Асбах Уралът» и лимоном, порезанным на тонкие ломтики.

Хумберт посмотрел на нее холодным немигающим взглядом и скривил губы. Запах табачного дыма, который ворвался в кабинет вместе с этой женщиной, вызывал у барона раздражение.

– Хельга! Ты опять?.. – заявил он.

Женщина ничего не ответила, наполнила один бокал и несколькими глотками выпила коньяк. После этого она достала из кармана пачку сигарет, закурила и подошла к окну.

Лицо барона приобрело бордовый оттенок.

Это неслыханно! Что она себе позволяет?

Однако сегодня Хельга, безусловно, решила не считаться с его приказами. Подобное поведение этой женщины он назвал бы дерзким, если не сказать наглым.

Глядя на то, как Хельга в очередной раз затягивается сигаретой, Хумберт заявил:

– Кто позволил тебе курить? Мы же договаривались, что ты оставишь эту гадкую привычку!

Женщина исподлобья взглянула на него и сухо сказала:

– Прекрати свое нытье! Неужели ты не понимаешь – все кончено! По радио только что сообщили, твой любимый фюрер застрелился! Русские штурмуют Рейхстаг!

Хумберт задержал дыхание, его правая щека дернулась в нервном тике.

– Фюрер застрелился? – хрипло процедил барон и невольно посмотрел на толстую тетрадь, лежавшую на письменном столе.

Это движение его головы было замечено Хельгой, и она, чуть повысив голос, спросила:

– Ты закончил работу?

Барон на мгновение замешкался, потом ответил:

– В общем-то, да.

Хельга решительно подошла к столу и собиралась уже протянуть руку, но Хумберт ее опередил. Он быстрым движением схватил тетрадь, убрал ее в верхний ящик стола и запер его на ключ.

– Я нашел отгадку на главный вопрос, но должен кое-что проверить, пересчитать еще раз, – проговорил он.

- То есть формулы еще нет?

- Есть! Она здесь! - Мужчина постучал указательным пальцем по своей голове.

Хельга выдавила из себя улыбку.

- Ты должен как можно быстрее все записать! - Она приблизилась и положила руки ему на плечи. - Скоро здесь будут американцы. Мы продадим им твоё изобретение и уедем. Мы забудем весь тот кошмар, в котором жили последние несколько лет. Мы станем богатыми, купим домик в Калифорнии, на побережье, заведем малыша.

- Что? Продать мое изобретение? Ну уж нет! - решительно заявил Хумберт. - Плоды моих трудов не достанутся этим свиньям, тупым америкашкам. Я создавал свое детище во славу великой Германии. Оно не будет служить этому низкосортному сброду!

- Чем же так плохи американцы?

- Янки - это нация эмигрантов, большинство из них составляют самые обычные евреи!

- Тогда поедem в Париж.

- Лягушатникам я тоже не отдам свою формулу! Ни им, ни англичанам, ни уж тем более твоим ненаглядным русским!

Хельга нервно рассмеялась и осведомилась:

- Тогда что же ты собираешься делать? Как поступишь со своим так называемым детищем, над которым так трясешься?

Хумберт прищурился. Его щека снова начала дергаться.

- Так называемым? Трясусь? Я не ослышался? Ты сказала именно эти слова?

– По-моему, ты окончательно свихнулся, мой дорогой Хьюго. Сейчас не до твоих глупых бредней о чистоте арийской расы и прочей вашей национал-социалистической дури. Мы должны просто спасти свою шкуру...

Женщина не договорила, потому что барон заорал так, что из его рта полетели слюни:

– А ну пошла вон! Прочь отсюда, русская потаскуха! Не смей даже думать о том, что тебе удастся присвоить мои достижения и продать их кому бы то ни было. И убери отсюда коньяк. Я не желаю пить в такой момент.

Хельга отшатнулась, ее лицо скривилось в презрительной гримасе. Втянув ноздрями воздух, Хельга подбежала к столу и смахнула с него поднос со всем его содержимым. Раздался звон, паркет тут же покрылся осколками стекла. Янтарная жидкость растеклась по полу, а ломтики лимона разлетелись по ковру. Хельга бросила на пол недокуренную сигарету, погасила ее ногой, вышла из комнаты и громко хлопнула дверь.

Барон был ошарашен. Она часто устраивала ему истерики, но на этот раз все зашло слишком далеко.

Оставшись в одиночестве, Хумберт уселся за стол.

– Вы только послушайте ее! Родить малыша! От кого? От этой ничтожной второсортной девки? Ну да ничего, за этот поступок Хельга еще ответит! Наказание будет суровым, но с этим придется повременить. Сейчас мне нужно просто закончить работу, – пробурчал он себе под нос.

Услышав, что начался дождь, барон поспешил закрыть окно, после чего достал из стола ту самую тетрадь, которую недавно спрятал от Хельги, взял перо и начал что-то быстро писать.

Примерно через полчаса Хумберт закончил работу и снова подошел к окну. Сверкнула молния. Барон невольно вздрогнул, но ему тут же стало стыдно за собственный страх.

Через завесу непрерывно льющего потока воды барон разглядывал свои владения. Неужели скоро здесь все изменится?

Асфальтовое шоссе, ведущее к усадьбе, по обеим сторонам было усажено липами. Сама усадьба, расположенная на высоком холме, представляла собой ряд кирпичных построек с крутыми черепичными крышами. Помимо особняка, довольно внушительного каменного здания с треугольным фронтоном, остроконечными башнями и балюстрадой, здесь имелись несколько домиков для прислуги, псарня и каменный колодец с кристально чистой водой. Перед главным зданием раскинулся ярко-зеленый газон, с ровно стриженными кустами самшита, торчащими тут и там. Слева от усадьбы располагались распаханное поле, справа протекала извилистая горная речушка Кальтерштрум, в которой водилась ручьевая форель.

Дождь барабанил по карнизу. Хумберт продолжал смотреть на покрытую рябью реку, туда, где росла старая раскидистая ива.

Он вдруг вспомнил, как в первый раз ходил с отцом на рыбалку. Именно в тени этой ивы мальчик поймал свою первую форель.

Здесь же, под этой самой ивой, когда-то случилось то, что сильно повлияло на его дальнейшую жизнь.

В тот день он, как и сегодня, был вне себя, и виной тому тоже была женщина. Это случилось летом девятьсот десятого года.

Маленькому Хьюго было чуть больше двенадцати, когда зеленоглазая фройлен появилась в их доме. Ее звали Гретта Эрбер. Отец привел в дом и представил сыну его новую воспитательницу.

Фройлен Эрбер было не больше тридцати. Однако строгие очки, которые она почти никогда не снимала, и темно-каштановые волосы, завязанные в тугий узел на затылке, делали эту особу значительно старше. Гретта Эрбер поселилась не в крыле, где жила вся прочая прислуга, а неподалеку от кабинета отца.

Новая воспитательница занималась с Хьюго точными науками. Она была в меру приветливой и столь же строгой, однако с первого же дня их знакомства маленький Хьюго почувствовал страх. Он боялся зеленоглазую фройлен где-то на уровне подсознания. Вскоре выяснилось, что предчувствия его не обманули.

В тот жаркий летний день маленький Хьюго решил порыбачить. Он вышел к реке и направился к иве, росшей на берегу. Облюбовав место в густом орешнике, Хьюго насадил мушку и сделал заброс.

В этот самый момент он услышал приглушенные звуки. Кто-то негромко кричал.

Стараясь не шуметь, мальчик выглянул из кустов и увидел мужчину и женщину, лежащих на примятой траве. Она извивалась змеей, он то и дело вздрагивал и негромко сопел. Их одежды были брошены рядом, тела лоснились от пота под лучами палящего солнца.

Хьюго не сразу узнал отца. Чуть позже, когда понял, кто перед ним, он разглядел и женщину. На этот раз волосы Гретты Эрбер были распущены. Ее ужасные очки с толстыми стеклами валялись чуть в стороне.

Маленький Хьюго впервые видел такое. Все это показалось ему ужасным. Сердце мальчика бешено трепетало.

Спустя некоторое время отец поднялся и достал из дамской сумочки, лежавшей поблизости, пачку сигарет. До этого Хьюго ни разу не видел, чтобы отец курил. Поэтому с той самой минуты мальчик возненавидел эту ужасную человеческую слабость.

Отец пригнулся к фройлен и что-то прошептал ей на ухо. Смех, который вырвался из ее груди, тоже показался Хьюго ужасным. Когда пара оделась и покинула поляну, он все еще боялся пошевелиться.

Хьюго вернулся домой. Когда мать спросила у него, почему он ничего не поймал, сын пожаловался на головную боль и заперся в своей комнате.

На следующий день Хьюго отправился в отцовскую библиотеку. Он отыскал там книгу по домоводству и внимательно прочел все, что касалось борьбы с

грызунами.

Через пару дней Хьюго направился к Вуди Мюллеру, плешивому краснолицему старикашке, выполнявшему в баронской усадьбе обязанности садовника. Мальчик вручил садовнику бутылку крепкой вишневки, заявил, что это подарок от матери. Хьюго соврал старику, сказал, что хозяйка решила его наградить, так как ей очень понравились метельчатые флоксы, выращенные им. Садовник был слегка удивлен, но не смог отказаться от столь неожиданного и приятного подарка. Спустя пару часов Вуди уже спал мертвецким сном прямо на столе, а опустевшая бутылка валялась на полу.

Убедившись в том, что старик отключился напрочь, Хьюго пробрался в его каморку и отыскал на полках небольшую коробочку. В ней хранился белый кристаллообразный порошок, стрихнин, которым Вуди травил кротов, расплодившихся в огороде. Хьюго наполнил порошком спичечный коробок и тем же вечером подсыпал его в тарелку с супом фройлен Гретты.

Женщину увезли в клинику с тяжелым пищевым отравлением. На следующий же день в Сиверс-Херенхауз явилась полиция. Полноватый инспектор о чем-то долго беседовал с отцом. Потом стражи порядка арестовали Вуди Мюллера и увезли его в Майнц. После этого Хьюго ни разу его не видел.

Гретта Эрбер в имении тоже больше не появлялась. Женщина выжила, но, по слухам, после отравления стрихнином ее лицо стало просто ужасным. Маленький отравитель был в восторге от своей победы над этой ненавистной особой и навсегда определился со своей будущей профессией.

В восемнадцатом году Хумберт фон Зиверс приехал в Лейпциг и поступил на медицинский факультет, потом получил докторскую степень в Тюбингене, вслед за этим были Берлин и институт Пастера в Париже. В тридцать восьмом он, проникшись национал-социалистическими идеями, вступил сначала в партию, а потом и в СС. В сороковом барон получил должность военного врача саперного батальона пятой танковой дивизии СС «Викинг».

Именно тогда он и познакомился с Хельгой.

Эта женщина в забрызганной грязью кофте и изодранной юбке стояла в третьей шеренге среди удрученных узниц. Она была одной из нескольких сотен таких же

грязных, неухоженных и истощенных, но он почему-то сразу положил на нее глаз.

Всю свою жизнь Хумберт фон Зиверс занимался наукой, поэтому времени на удовлетворение плотских потребностей у него, как правило, не хватало. Однако иногда ему просто нужна была женщина, и он ее находил, первую попавшуюся, пусть даже некрасивую. Так случилось и в тот день, в сентябре сорок первого.

Хумберт велел денщику привести приглянувшуюся ему женщину в свой кабинет. Волосы узницы были грязными и сальными, от нее пахло хлоркой, но Хумберта это не остановило. Он овладел ею на кожаном диванчике, прямо под портретом фюрера, висевшим на стене.

В течение того времени, пока этот тип довольно грубо терзал ее тело, узница была неподвижна и не проронила ни звука. Потом она встала с дивана, поправила юбку и о чем-то спросила его по-русски.

Хумберт не понял и был сильно удивлен, когда женщина с дерзкой усмешкой повторила свой вопрос на довольно сносном немецком:

– У тебя давно не было бабы?

До этого он просто собирался накормить изголодавшуюся плоть и прогнать эту русскую пленницу, забыть о ней навсегда, но теперь, после слов, сказанных ею, почему-то передумал.

Барон встал, застегнул брюки и громко крикнул, зовя денщика, стоявшего за дверью:

– Руди!

В комнату вбежал солдат и вытянулся в струнку.

– Я здесь, герр оберштурмбаннфюрер!

– Приведи эту русскую в божеский вид и снова приведи ко мне! – распорядился Хумберт.

Когда Руди выполнил приказ, барон был поражен тем, как преобразилась эта узница.

Она была чертовски хороша собой!

Эта красота, такая нетипичная для славянских женщин, в тот же момент снова вызвала у мужчины приступ желания. Когда солдат, доставивший пленницу, вышел, Хумберт вновь повалил ее на диван. На этот раз женщина уже не вела себя как бревно, а ответила на его ласки. Именно это обстоятельство в конце концов и определило ее дальнейшую судьбу.

С тех пор они не расставались.

«Однако сегодня в наших отношениях пора поставить точку», – решил Хумберт.

Приняв такое решение и послав ко всем чертям воспоминания, нахлынувшие на него, барон Хумберт фон Зиверс подошел к камину, бросил в него несколько поленьев и развел огонь. Когда пламя разгорелось, он снова подошел к окну и посмотрел вдаль.

Дождь прекратился. Над облаком тумана, закрывавшим намокшее шоссе, появилась радуга.

Когда туман немного рассеялся, барон увидел грузовую машину, двигавшуюся в сторону особняка. Она приближалась довольно быстро и представляла собой неотвратимую угрозу.

Вскоре грузовик подъехал и остановился на лужайке у дома. Из его кабины вышел крепкий офицер в угловатой пилотке и куртке цвета хаки со звездно-полосатым флагом на рукаве. Одновременно из кузова выпрыгнули несколько солдат, вооруженных карабинами, в касках, обтянутых сеткой.

– Америкашки! Рейнджеры! – презрительно процедил Хумберт фон Зиверс. – Добрались-таки! Но не тут-то было, ничего у вас не выйдет, грязные ублюдки!

Хумберт фон Зиверс задумался лишь на мгновение, вернулся к столу и открыл нижний ящик. Он достал оттуда флакон с бесцветной жидкостью и посмотрел на него с благоговением. Это было еще одно его изобретение, одно из первых.

Барон вдруг вспомнил о Хельге. На то, чтобы ее наказать, у него уже не осталось времени. Ну и черт с ней! Подумать только, она хотела продать его изобретение этому ничтожному сброду. Но нет! Ни Хельга, ни американцы, ни тем более русские не получают то, что он создавал во славу великой Германии.

Хумберт подошел к камину, повертел в руках свой заветный дневник и без малейшего сожаления бросил его в огонь. Когда тетрадь полыхнула, барон откупорил флакон и одним глотком выпил его содержимое.

Часть первая

Ласка

Глава 1

Псков, май 1949

Погода окончательно испортилась, ветер усилился, небо заволокло тучами, и Зверев мысленно отругал себя за то, что не прихватил с собой зонт. Проходя мимо здания Дома Советов, серого трехэтажного здания, увенчанного башней с часами, Павел Васильевич отметил, что, несмотря на надвигающееся ненастье, народу на улице было довольно много. Проезжая часть тоже оказалась заполнена. Тарахтели моторы машин, водители то и дело сигналили зазевавшимся пешеходам, пронзительным стальным звоном дребезжал трамвай, отъезжающий от остановки.

Сейчас почему-то куда-то спешили все, но только не Зверев.

Павел Васильевич остановился возле аллеи, поднял воротник и потянулся за папиросами, но невольно замер. Его внимание привлек конопатый мальчишка, с испуганным видом стоявший у подножия стелы. Подросток в серенькой кепчонке и мешковатой куртке, с огромным мужским зонтом в руке переминался с ноги на ногу и озирался по сторонам. Рот у паренька был приоткрыт, глазенки слегка прищурены. Он то и дело закусывал нижнюю губу и забавно вытягивал худенькую шейку.

Когда к памятнику подошла кудрявая девчушка в красном берете и плаще, Зверев невольно улыбнулся.

Романтическая встреча! Ну да, конечно, а что же еще?

Павел Васильевич никогда не отличался особой деликатностью, поэтому не подумал отвернуться и украдкой продолжал наблюдать за юной парой. Они тут же о чем-то оживленно заговорили. Кудрявая красотка явно была чем-то недовольна, а мальчишка, по всей видимости, не знал, как ему оправдаться. Спустя примерно полминуты девочка махнула рукой, наморщила брови, сложила руки на груди и манерно отвернулась.

Однако ее конопатый обожатель и не думал дуться. Он сделал несколько неуверенных шагов в сторону проезжей части, вдруг оживился, выпрямился и что-то сказал молодому мужчине, проходившему мимо него. Тот что-то буркнул в ответ, продолжая идти своей дорогой. Мальчик тут же устремился к молодой паре, идущей ему навстречу, и тоже о чем-то попросил. Парень помотал головой, а его спутница даже не повернулась в сторону этого довольно странного просителя.

Зверев заинтересовался всем этим.

«Чего же ему вдруг понадобилось?» – подумал он.

Мальчик продолжал метаться по тротуару и все так же приставал к прохожим.

Когда Зверев подошел ближе, он услышал, как паренек спросил очередного пешехода, пожилого дядечку в шляпе и пенсне:

– В кино сходить не желаете? У меня два билета, я недорого возьму, дешевле, чем через кассу.

– Нет, не желаю! – не останавливаясь, буркнул гражданин в шляпе.

– Ну, возьмите, – жалобно верещал мальчонка.

– Спасибо, не нужно! – слегка повысив голос, ответил мужчина и прибавил ходу.

Конопатый пацан не сдавался, однако его старания по-прежнему ни к чему не приводили.

Зверев поманил незадачливого распространителя билетов к себе и протянул ему трешку. Мальчик оживился, весь засиял и с деловым видом достал из-за пазухи портмоне. Павел Васильевич чуть не прыснул со смеха. Парнишка важно достал из кошелька горсть мелочи, отсчитал, сколько было нужно, и торжественно протянул Звереву сдачу вместе с билетами.

Тот взял у юного продавца билеты, к медякам так и не прикоснулся, подмигнул мальчишке и негромко сказал:

– Оставь себе! Глядишь, еще пригодится.

– Спасибо! – сказал конопатый пацан и, как бы оправдываясь, добавил: – Я когда билеты покупал, не знал, что она этот фильм уже видела, а вы сходите. Кино очень хорошее, про войну.

Зверев кивнул, свернул билеты в трубочку, положил их в карман, даже не поинтересовавшись, на какой такой фильм про войну ему предложено сходить.

Избавившись от билетов, мальчишка, видимо, тут же позабыл про Зверева и побежал в сторону кондитерской. Спустя пару минут он вышел из магазина, держа в руках два вафельных стаканчика с крем-брюле. Увидев в руках своего юного ухажера мороженое, девчушка что-то сказала, опустила руки и улыбнулась. После этого они о чем-то оживленно заговорили. Девочка лизала мороженое. Ее кавалер выгнул руку колесом и весь расцвел, когда она взяла его под руку. Они двинулись вдоль аллеи.

Когда юная пара исчезла из виду, Зверев даже выдохнул.

Пусть хоть кому-то сегодня повезет!

Накануне, в субботу, он договорился с одной своей старой знакомой по имени Жанна о походе в ресторан «Прага», расположенный на Советской. Свидание должно было закончиться походом в логово зверя. Именно так Павел Васильевич в шутку называл свою холостяцкую однокомнатную квартиру на улице Гоголя.

Но встреча сорвалась. Жанна, миловидная тридцатилетняя брюнетка, работавшая бухгалтером на фабрике «Псковтекстиль», умудрилась где-то простудиться. За полчаса до назначенной встречи она позвонила ему и сообщила, что вся горит и трясется, но не от сладостного предвкушения предстоящего свидания, а от жуткой температуры и глубокого грудного кашля. Услышав это, Зверев мысленно выругался, вслух сказал, что сожалеет, пожелал больной выздоровления и повесил трубку.

Весь вечер он метался по комнате, пытался читать, много курил и лег спать в половине одиннадцатого, проклиная Жанну и ее простуду, свалившуюся как снег на голову.

Проснулся он ближе к двенадцати, разогрел вчерашний суп, поел и взялся за записную книжку. Однако и здесь его преследовали неудачи. Ни одна из его приятельниц по разным причинам так и не согласилась провести этот вечер вместе с ним.

Зверев чертыхнулся, оделся и вышел из квартиры. Проболтавшись несколько часов по городу, он сел на трамвай, поехал в центр и оказался на площади, у Дома Советов.

Как только заморосил дождик, Зверев спрятался от непогоды в соседней беседке, стоявшей у раскидистого тополя. Со стороны городского парка доносилась музыка. Мягкий баритон звучал весело и бойко, однако сегодня задорная «Песенка фронтового шофера» в исполнении Марка Бернеса вовсе не радовала Зверева.

До начала сеанса оставалось еще почти полчаса, поэтому Павел Васильевич не спешил. Он закурил и принялся с унылым видом разглядывать прохожих, снующих мимо.

Именно в этот момент Зверев и увидел ее.

То, что женщина красива, он понял сразу, еще тогда, когда она, громко цокая каблучками, шла в сторону монумента вдоль кустов акации, успевших пожелтеть. В первые же мгновения, когда еще не мог разглядеть ее лица, Зверев оценил изящную фигурку, облаченную в облегающий сиреневый жакет, узкую юбку и шляпку-таблетку с вуалью и бантом. На плече незнакомки висела бархатная сумочка. Женщина небрежно удерживала обеими руками зонт, раскрытый над головой.

Подойдя к стеле, незнакомка посмотрела на часы, висевшие на башне Дома Советов, и обернулась в сторону трамвайной остановки. Она явно кого-то ждала, но Зверева это только подзадорило.

«Еще одно свидание? Ну что ж, поглядим, что и как», – подумал он.

Теперь Павел Васильевич мог с легкостью разглядеть овал ее лица, нос правильной формы и огромные зеленые глаза. Брови женщины были сдвинуты, хорошенький ротик сжался в тугую узенькую полоску.

Здесь, рядом с памятником Кирову, установленному перед входом в главное здание областной администрации, находились городской парк и кинотеатр «Зоркий». В заведении общепита, расположенном за углом, варили отменный плов и пекли необычайно вкусные осетинские пироги с картошкой и сыром. Именно поэтому тут, у памятника, любили назначать друг другу свидания не только молодые парни и девушки, но и люди постарше.

Зверев тоже посмотрел на часы. Они показывали четверть восьмого.

«Женщина наверняка опоздала. Такие красавицы никогда не приходят вовремя. Тот человек, который назначил ей встречу, скорее всего рассчитывал на семь, – предположил Зверев. – Он может появиться здесь в любую минуту, но если все-таки не придет, то не исключено, что тогда сегодня повезет не только тому конопатому пацану».

Прошло пять минут. Женщина полезла в сумочку, достала пачку сигарет, но потом, чуть подумав, довольно резко засунула ее обратно.

«Все! Ее терпение на пределе. Сейчас она уйдет отсюда, – догадался Зверев, занервничал, но все же не сдвинулся с места. – Однако не все потеряно. Даже если эта дама решит убраться, то далеко не убежит на своих каблуках».

Зверев сунул руку в карман, достал билеты, распрямил их и аккуратно сложил пополам. Если все пойдет так, как он задумал, то они могут пригодиться.

Павел Васильевич уже собирался было подойти к незнакомке, но случайно посмотрел в сторону проезжей части и застыл в недоумении.

Мимо площади в сторону улицы Некрасова промчался сине-голубой автобус с малиновыми шторками. Он проскочил на желтый сигнал светофора у красной пятиэтажки, свернул в арку и исчез во дворе. Несмотря на забрызганные грязью номера, Зверев без труда узнал новенький «ЗИС», поступивший из Калининграда две недели назад. Автобус был использован на следующий же день после прибытия. Теперь он являлся одной из двух дежурных машин областного управления милиции.

Павел Васильевич тут же вспомнил, что старший лейтенант Костин Вениамин Петрович – подчиненный и, что уж тут лукавить, любимый воспитанник Зверева – именно сегодня в первый раз за весь период службы должен был быть назначен старшим дежурной оперативной группы и заменить пожилого следователя Ивана Алексеевича Боброва, заболевшего гриппом.

Зверев полез за папиросами, закурил и несколько раз нервно затянулся. Что же у них там такого случилось, что водитель дежурки проскочил едва ли не на красный?

Мимо него прошла группа ребят, несущих модели планеров. Женщина с коляской почти бегом проскочила к навесам.

Зверев сделал еще пару затяжек, только сейчас вспомнил про красавицу в сиреневом жакете и обернулся. Женщины у памятника уже не было. Павел Васильевич огляделся по сторонам и увидел ее, идущую в сторону Летнего сада.

При желании он с легкостью мог бы догнать эту красавицу, подался было вперед, потом снова обернулся в сторону домов, к которым свернула дежурная машина.

– Наверно, старею, – с усмешкой буркнул себе под нос Зверев, еще раз глянул вслед удаляющейся незнакомке и быстрым шагом направился в сторону улицы Некрасова.

Вскоре он подошел к подъезду, возле которого стоял управленческий автобус, и увидел Гришу Панюшкина, пожилого седовласого мужчину с пышными усами, сидевшего в кабине и читавшего «Роман-газету».

Зверев подошел, постучал по стеклу и спросил:

– Чего читаешь, Михалыч?

Тот оторвался от журнала, приподнял очки и негромко спросил:

– Павел Васильевич, а ты-то здесь чего?

– Да вот мимо шел, вижу, вы тут.

– Мимо? Вон оно что! А я уж подумал, что что-то случилось, раз тебя к нам в помощь направили, – убирая очки в футляр, сказал водитель дежурки.

– Нет, говорю же, мимо шел.

– Мимо? – в голосе Михалыча проскользнуло сомнение.

Звереву не хотелось говорить, что он так бездарно провел выходные, поэтому он спешно повторил вопрос:

– Так чего ж читаешь-то?

– Олесь Гончар, «Знаменосцы». Хорошая книжка, про войну.

Тут Зверев не растерялся и небрежно заявил:

– А я вот в кино собрался! – Он вытащил из кармана билеты, купленные у конопатого мальчугана, и показал их Михалычу.

– Кино, это хорошо. А фильм какой?

– Тоже про войну, – ответил Зверев и тут же сменил тему: – Я чего к вам явился-то. Увидел, как ты газуешь как на пожар, вот и решил, что дело серьезное.

– Да какое там серьезное? – Михалыч только махнул рукой. – Картину украли.

– Что за картина?

– А пес его знает. Вроде как ценная. Ее какой-то француз написал. Фамилия его не то Шапиро, не то как-то в этом роде. А газовал я оттого, что движок новый испытывал. – Михалыч ласково похлопал ладонью по приборной доске. – Автобус-то только что прибыл, вот я его и тестировал слегка.

– Ну да, ясно! – Зверев тут же вспомнил красотку в сиреновом жакете и мысленно отругал себя за то, что так опрометчиво поступил, не догнав уходящую красавицу.

Михалыч же вытащил из футляра очки и сказал:

– Ступай уж на свой фильм про войну. Тут у нас Вениамин Петрович заправляет. Он и без тебя разберется, что там за картина такая и какая беда с ней приключилась.

Зверев улыбнулся, услышав, как этот бывалый дядька величал его подопечного Костина по имени-отчеству. Сам же Зверев всегда звал молодого опера просто Веней, а если хотел позлить, то Венечкой, на что парень постоянно обижался.

– Ступай, Павел Васильевич, а то вон промок весь, – продолжал Михалыч.

Перспектива протопать еще с пару сотен шагов под дождем Зверева сейчас вовсе не привлекала. Да и все эти киношки тоже.

– Да черт с ним, с фильмом этим. Пойду поднимусь, погляжу, что там за французские страсти, – сказал Зверев и забежал в подъезд.

Михалыч пожал плечами, зевнул и снова уткнулся в потрепанный журнал.

Глава 2

Хозяйка квартиры, довольно рослая и грузная женщина, очевидно, уже начинала сесть и поэтому подкрашивала волосы хной.

Она открыла дверь, взглянула на Зверева, стоявшего на пороге, и проворчала:

– А вам чего?

– Я с ними, – ответил гость и одарил женщину улыбкой, которая никакого впечатления на нее не произвела.

Поэтому Павел Васильевич предъявил удостоверение и представился:

– Капитан Зверев.

– Ну вот, еще одного принесло! Натоптали мне тут, все вверх дном перевернули. Черт бы подрал эту картину и все, что с ней связано, – едко процедила женщина и махнула рукой, но в дом очередного посетителя все-таки пустила.

– А вас, простите?..

– Сычева Зинаида Павловна! – гулко произнесла пожилая хозяйка квартиры.

Зверев втянул живот и, не снимая обуви, проскользнул через коридор, едва ли не половину которого занимала эта особа, стоявшая в проеме.

Проходя мимо кухни, капитан увидел там эксперта Леонида Валерьевича Мокришина, копавшегося с лупой у окошка. Тот был так увлечен работой, что даже не заметил, как в доме появился Зверев.

На кухонном столе Зверев увидел почти пустую молочную бутылку без крышки. На полу у серванта зеленела рассада в горшках. Тут же у серванта стояла миска с молоком.

Квартира Сычевых была довольно просторной, всюду царил порядок. На стенках и подоконниках красовались кашпо с цветами.

Войдя в комнату, Павел Васильевич увидел молодого оперативника Александра Горохова, которого в отделе обычно звали просто Шурой. Тот сидел за столом и писал протокол. Костин беседовал с хозяином.

Сычев оказался невысоким старикашкой лет шестидесяти пяти с седенькой бородкой и огромной залысиной. В прошлом врач, а ныне самый обычный пенсионер, Андрей Николаевич сидел на табурете в углу и щурился, глядел через очки то на милиционеров, прибывших в квартиру, то на жену, вставшую в проходе.

К появлению на месте происшествия Зверева сотрудники следственно-оперативной группы отнеслись довольно спокойно. Все, кроме Костина.

Увидев на месте происшествия своего непосредственного начальника, Вениамин Петрович тут же нахмурил брови. Потом он буркнул что-то типа «здрассе», пожал Звереву руку и уселся на диван.

«Опять будет говорить, что я ему работать не даю. Ну и ладно, пусть себе дуется», – подумал капитан, усмехнулся и тут же взял дело в свои руки.

– Так, значит, как только вы вернулись с дачи, то сразу же обнаружили, что в вашей квартире побывали воры? – насел на хозяина Зверев.

– Что вы, какое там сразу? – заявил Сычев и замахал руками. – Поначалу мы ничего такого и не подумали. Дверь же была заперта. Я открыл ее своим ключом, мы вошли, и Зиночка тут же побежала кормить Манюню.

– Манюня, это ваша кошка?

– Вы только представьте себе, этот живодер забыл налить Манюне молока! – весьма эмоционально встряла в беседу Зинаида Павловна.

Манюня услышала свое имя, коротко фыркнула и повернула голову. Зинаида Павловна тут же метнулась к кошке, взяла ее на руки и принялась чесать за ухом. Манюня чихнула, легонько встряхнулась и даже не подумала замурлыкать.

– Зиночка, не драматизируй, – начал оправдываться Сычев. – Ничего такого страшного с ней не случилось.

– Как это не случилось? Сегодня она даже есть не стала! Обиделась моя девочка. – Зинаида Павловна снова принялась гладить Манюню, та жалобно мяукнула. – Расстроилась моя красавица! – не унималась грузная хозяйка квартиры.

– Зина, перестань! Ты сейчас снова будешь вся в шерсти! Линяет она у нас, – пояснил Сычев Звереву.

– Как он мог? Как посмел не покормить мою девочку? Живодер, бессердечный человек! Вы только подумайте, она у нас целых два дня просидела голодная. Это уже не впервые приключается. – Женщина наконец-то опустила кошку на пол. – В прошлый раз, когда мой муженек забыл налить Манюне молока, она орала так, что даже соседи жаловались.

– Кто у нас работает по соседям? – тут же поинтересовался Зверев.

– Евсеев, – ответил Шура Горохов.

– Узнай у него, слышал ли кто, как кошка кричала.

Шура тут же бросился выполнять приказ.

– Итак, давайте уточним детали, – невозмутимо продолжил Зверев. – Значит, в пятницу вечером вы уехали на дачу, забыв налить кошке молока. А сегодня ваша

кошка даже не притронулась к еде, так?

- Получается, что так, - ответил Сычев.

- На столе я видел бутылку из-под молока. Она почти пустая.

- Вот именно! - заявила Зинаида Павловна и строго посмотрела на мужа. - Ты даже бутылку с молоком со стола не убрал, бросил ее откупоренную.

- Ничего подобного! - решительно возразил Сычев. - Бутылка на подоконнике стояла, там я ее и оставил. Она была полная.

- Совсем уже? - Зинаида Павловна повертела пальцем у виска. - Когда я пришла, бутылка стояла на столе и была уже почти пустая.

- Говорю же, я ее не открывал. Постойте!.. - Сычев замер и вопросительно посмотрел на Зверева. - Это что же получается?

Зверев выждал паузу, дождался Горохова, который с порога заявил:

- Никто из соседей кошачьих криков не слышал.

- Я так и подумал. Раз кошка не орала все выходные и не стала есть, когда хозяева вернулись с дачи, вывод напрашивается сам собой. Манюню накормил наш воришка, - проговорил Зверев. - Итак, давайте продолжим. Значит, вы пришли домой, попытались накормить кошку и что потом? Когда вы обнаружили пропажу картины?

- Сначала я обнаружила пропажу чулок! - воскликнула Зинаида Павловна.

- Каких еще чулок?

- Каких-каких? Самых обыкновенных. - Женщина подошла к комоду и указала рукой на полку. - Вот здесь лежали совершенно новые чулки. Американские, в упаковке!

– Вы носите чулки? – осведомился Зверев.

Зинаида Павловна фыркнула и проговорила:

– Вот еще! Для кого мне рядиться? Чулки для нашей внучки Танечки. У девочки скоро день рождения, вот я их и купила ей в подарок на барахолке. Добротные чулки, говорю же, американские!

– Зиночка, перестань! – запротестовал Сычев. – Кто станет красть твои чулки? Ты скорее всего положила их куда-нибудь и забыла. Уверен, что мы их непременно найдем.

– Ты меня совсем за дуру держишь? Я совершенно точно помню, что положила упаковку сюда, на полку.

Зверев подошел к комоду и мизинцем приподнял крышку шкатулки, стоявшей на полке. Внутри лежали какие-то украшения.

– Здесь есть что-то ценное? – поинтересовался капитан.

– Разумеется! – ответила Зинаида Павловна. – Золотая цепочка, гранатовый кулон, запонки.

– И что, ничего не пропало? Вы проверяли?

Сычев уверенно закивал и сказал:

– Все на месте! Пропала только картина.

– И чулки! – добавила Зинаида Павловна.

Зверев посмотрел на Костина. Тот уже перестал дуться и с профессиональным рвением следил за тем, как проходит опрос потерпевшей стороны.

– Ну что ж, а теперь давайте насчет картины, – продолжал Зверев. – Что на ней изображено? Известно ли вам, какова ее рыночная стоимость?

– Пропажу картины мы обнаружили примерно через полчаса после того, как вошли в дом. Она висела вот здесь, – проговорил Сычев и указал на гвоздь, одиноко торчащий в стене напротив окна. – Воры вырезали ее из рамки чем-то острым, а ту не тронули.

– Рамку Мокришин уже изъяс для проведения экспертизы, – сказал Костин, молчавший до этого момента, и осведомился: – Будешь смотреть?

– Потом! – отмахнулся Зверев.

Сычев тем временем продолжал:

– Картина очень дорогая. Видимо, вор об этом знал и пришел сюда именно за ней.

– Мне сказали, что ее написал какой-то Шапиро, вроде бы француз. Это так? Он действительно знаменит?

Сычев булькнул гортанным смешком:

– Даниэль Шапиро! Да, он действительно знаменит, а вот насчет француз... – Хозяин квартиры рассмеялся едким старческим смешком.

– Он такой же француз, как я царица Савская! – заявила Зинаида Павловна.

– Я сейчас уже точно не помню, когда оно было. Году эдак в двадцать седьмом, когда я еще работал здесь, в Пскове, заведующим неврологического отделения межрайонной больницы, у меня лечился некий Даня Шапировский, наш, местный, из многодетной еврейской семьи. В то время он был всего лишь бедным, никому не известным художником.

– Шарлатаном он был! Видели бы вы его мазню! – в очередной раз вмешалась в разговор Зинаида Павловна.

– Полное имя моего больного – Шапировский Даниил Маркович! Он лечился от тяжелого приступа мигрени и при выписке подарил мне одно из своих полотен.

– Ну ты и ляпнул! Полотен! Говорю же, самая настоящая мазня: кубики, ромбики, пирамидки, одним словом, груда каких-то незамысловатых фигурок, а в самом центре – отрезанное человеческое ухо!

Сычев вздохнул и тихо продолжил:

– Спустя год после выписки этот самый Шапировский сбежал из страны и уехал во Францию. Там он как-то умудрился организовать выставку своих картин и, вы только представьте себе, получил всемирное признание. Тогда-то этот художник и стал Даниэлем Шапиро.

– И что с ним стало? – поинтересовался Зверев.

– Даня умер в тридцать девятом от инсульта. Его полотна тут же стали уникальными произведениями искусства. Так что картина, украденная у нас, стоит немалых денег.

– Я ведь мужу говорила, дескать, продай ты эти каракули, – заявила Зинаида Павловна. – А он мне: «Нет! Это же классика русского авангарда!» Предлагали же тебе за нее реальные деньги, а ты!..

– А кто хотел купить вашу картину? – поинтересовался Зверев.

– Некий академик Щукин, – ответил Сычев. – Я и его тоже лечил. Только не думаю, что он как-то связан с этим похищением.

– Это почему же?

– Щукин умер в сорок третьем, в блокадном Ленинграде, так что подозревать его я бы вам не советовал.

Зверев кивнул Костину, тот записал фамилию академика в блокнот.

– Щукин действительно был ценителем русского авангарда, поэтому он и предложил мне пятьдесят тысяч за картину Шапиро, когда узнал, что такая у меня имеется, – продолжил Сычев.

– Солидные деньги, – сказал Зверев, хмыкнул и полюбопытствовал: – Жалеете, что не продали?

Сычев лишь развел руками:

– Что сделано, то сделано.

В этот момент в комнату вошел Дима Евсеев, рослый крепыш лет сорока, и протянул руку Звереву.

– Здорово, Павел Васильевич! Ты чего здесь?

– И тебе не хворать! Докладывай, чего нарыл! – пожав оперативнику руку, сказал капитан.

– Соседи ничего не слышали. На крыше мы нашли веревку с узлами, по ней наш воришка в окошко и влез.

– Окно закрыто было, только форточка не заперта.

– Значит, он в форточку влез, а в такое отверстие протиснуться, это надо еще умудриться. Возможно, пацан.

– Или карлик, – добавил Горохов и ухмыльнулся.

– И такое не будем исключать. – Зверев строго посмотрел на Шуру и спросил: – А к чему он веревку крепил?

– За карниз. Узел самый обычный. Отчаянный парень, ничего не скажешь. Ведь мог навернуться. Тут все-таки четвертый этаж.

– А следы на крыше имеются? Почему я кинолога не вижу?

– Следов там полно, но в таком месте ни одна собака ничего не учует. Там все голубиным навозом загажено. – Евсеев поднес руку к носу и понюхал рукав. – Я вот весь провонял, пока по этим крышам лазил. Теперь не меньше куска мыла

известно придется, чтобы одежду отстирать.

- Отмоешься, - сказал Зверев и обратился к хозяйке: - А ваша внучка... ей сколько лет?

- Семнадцать. А это вы к чему спросили?

- Да так. На кого она похожа?

- В каком смысле на кого? На мать.

- Тогда я задам вопрос по-другому! На вас она похожа или нет?

- Вы имеете в виду, какая у нее фигура? - Зинаида Павловна отвела голову в сторону и обиженно хмыкнула. - Ну да, я крупная женщина и что с того?

- А ваша внучка, она тоже крупная?

- Ну что вы, - вмешался Сычев. - Танечка у нас как воробышек. Метр с кепкой. Худенькая совсем.

- В деда она, если вы это имеете в виду, - недовольно добавила Зинаида Павловна. - Кожа да кости.

На кухне послышалось шуршание. В комнату вошел Леня Мокришин, держа что-то в руке.

- Василич, и ты уже тут? А ну, глянь-ка! Я кое-что весьма интересное обнаружил, - сказал эксперт и поднес к лицу Зверева пинцет, в котором было что-то зажато.

- Что это? - поинтересовался капитан.

- Шерсть.

- Да тут везде шерсть. Кошка у них линяет, - сказал Шура Горохов.

– Кошка у них рыжая, а эти волоски темные, – заявил Мокришин и показал находку Сычеву.

– У вас только одна кошка? – спросил Зверев.

– Одна. Мне и Манюни выше крыши, – ответила хозяйка квартиры.

– Это не кошачья шерсть, – уверенно заявил Леня.

– А чья же?

Эксперт достал из кармана лупу, еще раз внимательно рассмотрел клочок, найденный им, и проговорил:

– Пока ничего не могу сказать наверняка. Но мне кажется, что это шерсть дикого зверя. Я этот клочок на подоконнике нашел.

Шура Горохов усмехнулся и произнес:

– Вот так, гражданин Сычев. К вам в дом какая-то зверушка забралась и украла вашу бесценную картину. Может быть, это была куница.

– Тогда уж лучше ласка, – сказал Костин.

– Хорошо, пусть будет ласка. – Зверев прокашлялся и подвел итог разговора: – Ладно, хватит этой вашей лирики про зверушек! Заканчивайте тут все. Завтра представите отчет, а я пошел. У меня ведь в конце концов сегодня выходной. – Он шагнул к выходу и при этом незаметно поманил Костина за собой.

Они закурили, стоя у открытого окна на лестничной клетке.

Зверев о чем-то напряженно думал, смотрел на неутихающий дождь и вдруг резко спросил:

– Что скажешь, Венечка? Какие будут соображения?

Костин тут же вытянулся, сжал кулаки и грозно проворчал:

– Василич, ты опять?

Капитан рассмеялся и сказал:

– Нечего было на меня дуться. Если показал свой гонор, то получи наказание! Так что ты у нас снова Венечка. Говори, что думаешь. Если дельное что скажешь, буду тебя снова Вениамином называть.

Костин что-то процедил сквозь зубы и выложил свою версию:

– Я думаю, что грабитель был один. Все указывает на то, что он спустился по веревке с крыши и влез в форточку. Потом наш преступный элемент накормил кошку, чтобы она не орала, забрал картину, взобрался по веревке и ушел тем же способом, что и пришел. Этот грабитель коротышка, потому что обычный человек не влез бы в такую маленькую форточку. Скорее всего это ребенок. Однако он имеет очень хорошую физическую подготовку, раз сумел не только спуститься вниз, но и влезть обратно. Наш форточник не профессионал. Он не связан с криминалом и не имеет контактов со скупщиками краденого, поэтому не стал брать драгоценности, которые наверняка видел. Ведь если не иметь каналов сбыта, то на краденых драгоценностях легко можно погореть. Нашему воришке была нужна картина, и он ее взял, потому что скорее всего имел покупателя или же знал способ, как и где ее можно продать. Он не альпинист и не матрос, потому как не умеет вязать правильные узлы, – горделиво заявил Костин, который в прошлом был моряком и очень этим гордился.

Зверев одобрительно кивнул и спросил:

– Ну а про чулки что скажешь?

– А что чулки? Если хозяйка и впрямь ничего не напутала, то наш грабитель мог прихватить их кому-нибудь в подарок. Жене, например, или подружке.

– Это ребенок-то?

– А что? Очень даже возможно. Хорошие женские чулки в наше время достать не так уж просто, плюс стоят они недешево. Поклажа, как говорится, невелика, а вычислить тебя по ним никак не получится. Вещь все-таки не штучная, это же не запонки или кулон.

– А я вот сомневаюсь в том, что это был ребенок.

– Это почему?

– Ребенок, конечно, мог накормить кошку, но чулки, это все же перебор. Поэтому у меня есть несколько иная версия.

– Какая же? Давай уж, Василич, не темни!

– Как думаешь, зачем я спросил у хозяйки про рост ее внучки Танечки?

– И зачем же?

– Чтобы убедиться в своей правоте. Когда я узнал, что Танечка – девушка миниатюрная, моя версия практически подтвердилась.

– погоди, Василич. – Веня приоткрыл рот. – Уж не хочешь ли ты сказать?..

– Хочу-хочу. Ты давай, домысливай, Венечка!

На этот раз Костин пропустил оскорбительное для него имя мимо ушей.

– Ну да! Как же я сразу об этом не подумал? Раз внучка Сычева – девушка маленькая, значит, и чулки, купленные Зинаидой Павловной именно для нее, были небольшие. Наш грабитель тоже невелик ростом. Получается, что он мог взять чулки для себя! Выходит, что картину украла женщина, да? – Костин замолчал, стоял, приоткрыв рот, и часто-часто моргал.

Зверев с чувством собственного превосходства коснулся Вениного подбородка и поднял его вверх, закрыл парню рот.

– Варезку закрой, а то горлышко простудишь, – заявил он.

– Вот так дела! Женщина, значит!

– Ну что ж, ты сам обо всем догадался, поэтому получил полное право вновь стать Вениамином, – снисходительно изрек Зверев, хлопнул напарника по спине и стал неторопливо спускаться по лестнице.

Глава 3

Боевой офицер, кавалер двух орденов, дошедший до Берлина, начальник псковской милиции полковник Корнев считался начальником суровым и властным. В управлении, которым он руководил с августа сорок пятого, Степана Ефимовича побаивались, но уважали за принципиальность и самоотверженное служение делу.

Однако, несмотря на все свое героическое прошлое и репутацию жесткого человека, Степан Ефимович испытывал легкое волнение всякий раз, когда вызывал в свой кабинет Зверева. Тому были самые объективные причины.

Этот его подчиненный, которого в управлении все за глаза называли Зверем, то и дело всячески дерзил ему и демонстрировал на людях их панибратские отношения. Специально он это делал или нет, Корнев не знал. Несмотря на то что сейчас полковник и капитан стояли на разных ступеньках карьерной лестницы, последний по-прежнему продолжал общаться со своим другом Степкой немного свысока, подтрунивал и глумился над ним, то и дело демонстрировал собственную проницательность.

Зверев делал это еще и потому, что, несмотря на свою репутацию разгильдяя и злостного нарушителя внутреннего распорядка, в управлении он по праву считался лучшим опером. Самые сложные и запутанные дела Степан Ефимович, как правило, поручал именно ему, и этот раздолбай Пашка всегда докапывался до истины. Так что Корнев до сих пор в душе немного побаивался своего друга детства в первую очередь потому, что никак не мог найти на него управу. Но и обойтись без Зверя полковнику тоже не удавалось.

Они с Пашкой воспитывались в одном и том же детском доме. Позже оба окончили Томскую школу милиции, где их дружба окончательно окрепла. Потом парни работали в одном районном отделе милиции и раскрыли вместе несколько довольно запутанных дел.

Судьба развела двух дружков-детдомовцев, и виной тому стала начавшаяся война. После ее окончания они снова встретились, так как оба попали служить сюда, в управление милиции Псковской области.

Вот только карьера у них шла по-разному. Корнев со своим аскетическим характером и строгими нравами быстро дослужился до высоких должностей и вскоре возглавил управление. Зверев же из-за своего безудержного разгильдяйства долгое время пребывал в низших чинах. Однако несколько последних дел, успешно раскрытых Павлом Васильевичем, дали основание Корневу повысить своего товарища до должности начальника оперативного отдела.

Зверев вошел в кабинет и уселся на свой любимый кожаный диван с подлокотниками из красного дерева. Корнев ожидал, что его подчиненный, как это обычно бывало, тут же достанет курево и самым наглым образом потребует пепельницу. Степан Ефимович уже заготовил для Зверева несколько назидательных фраз по поводу недопустимости столь вольного поведения в кабинете начальника.

Однако на этот раз Зверев не выказал желания закурить и довольно резко спросил:

– Чего вызывал? Ты же знаешь, у меня дел выше кадыка – три кражи, разбой и бытовуха с огнестрелом! Говори быстрее, да я работать пойду.

Корнев немало удивился такому развитию событий. Зверев, который редко проявлял подобное стремление к исполнению своих служебных обязанностей, сегодня, очевидно, встал не с той ноги.

«Это как же понимать?» – подумал Степан Ефимович и даже на мгновение потерял дар речи.

У него запершило в горле. Он закашлялся, поспешно налил из графина стакан воды и выпил его одним махом.

Зверев, глядя на это, ухмыльнулся и проговорил:

– Если бы я не знал, что начальник у нас малопьющий, то предположил бы, что ты вчера перебрал.

Корнев выдохнул, пропустил мимо ушей эту очевидную бестактность, придал голосу максимальную жесткость и распорядился:

– Все свои заморочки передашь Шувалову. У нас появилось по-настоящему серьезное дело!

«Сейчас снова начнет бузить», – предвидя негодование собеседника, подумал Корнев.

Однако Зверев и в этот момент немало его удивил.

– И что, что серьезное дело? – спросил Павел Васильевич довольно сдержанно.

«Что-то он слабо сегодня трепыхается. Уж не заболел ли? Ага, я все понял! Выходные, которые наш Пашенька Зверь так долго ждал, прошли довольно скудно. Очередная краля не пришла или не приласкала».

Другие варианты Степан Ефимович уже и не рассматривал, даже не предполагая, как он прав.

– Убийство! Дело взято на контроль прокуратурой, – сказал полковник. – Сам Антипов только что звонил мне, просил сделать все, чтобы это преступление было раскрыто в кратчайшие сроки. Одним словом, с этого момента ты работаешь только по новому делу.

– Кого убили?

– Погиб известный врач! Он застрелен в собственной квартире, похищена картина!

- Что за картина? – оживился Зверев.

- Какого-то французского художника. Да, вспомнил. Даниэля Шапиро.

Зверев покачал головой и проговорил:

- Он никакой не француз, этот твой Шапиро, а наш псковский еврей. Его настоящее имя – Даня Шапировский. В двадцать седьмом году он сбежал из нашей страны в Париж и уже там прославился, а имя свое на французский манер переименовал.

Корнева поразила такая осведомленность.

- Когда это ты успел столько про этого Шапиро узнать? Читал о нем? – полюбопытствовал он.

- Больно мне нужно о нем читать. Я и знать-то про него не знал до прошлого дня. Вчера же Костин с дежурной группой к Сычеву выезжал на кражу этой самой картины. Ну и я там вроде как случайно побывал. А этого доктора, значит, уже укокошить кто-то успел. Жалко мужика. Нормальный такой старикан, а вот жена у него та еще фурия.

Корнев дернулся, строго поглядел на Зверева и заявил:

- Пашка, ты меня не путай! При чем здесь какой-то Сычев? Убит Завадский, главврач межрайонной больницы, один из первых людей города. Его труп только два часа назад обнаружен.

Зверев нахмурился и спросил:

- То есть не вчера?

- Да говорю же, сегодня, буквально два часа назад жена Завадского вернулась с дачи и обнаружила труп мужа. Она сообщила, что из дома похищена картина этого твоего Шапиро. Там уже новая группа работает. Мне об этом только что доложили, а уже куча звонков! Сначала из горкома беспокоили, а потом из

главка. Говорю же, этот Завадский был довольно важной персоной. Так что бросай все свои дела и немедленно приступай к расследованию его убийства!

Зверев нахмурился, подошел к столу, схватил трубку телефона, набрал номер дежурного и зычно прокричал:

– Алло, Лысенко? Зверев у аппарата! Ты по какому убийству недавно Корневу докладывал? Что? Ну да. Про врача. Где, говоришь, это приключилось? Понял, на Южной. А как фамилия этого врача? Точно Завадский? Не Сычев? Хорошенькое дело, а с картиной что? Так. Стало быть, жена Завадского два часа назад обнаружила дома труп мужа и вызвала милицию, еще сказала, что у них картина припала. Ладно, теперь вроде разобрались. Бывай, старлей, не кашляй!

Когда Зверев повесил трубку, Корнев тут же спросил:

– Ну и что ты там понял?

На этот раз Зверев все-таки влез в верхний ящик рабочего стола начальника, вынул оттуда хрустальную пепельницу, достал из кармана папиросы, закурил и произнес:

– Ясно мне, что за эти выходные некая особа проникла в квартиру бывшего заведующего неврологического отделения межрайонной больницы Сычева и украла у него картину Шапиро. Спустя какое-то время, по всей видимости, та же самая особа влезла в квартиру доктора Завадского, который занимал должность главного врача все той же межрайонной больницы. Данная персона застрелила Завадского и украла у него работу Шапиро. Только это была уже другая картина!

Корнев, морщась, посмотрел на папиросу, дымящуюся в зубах Зверева, и осведомился:

– Что будешь делать?

– Докурю и поеду к Завадскому! Нужно разобраться на месте. Дела Шувалову позже передам.

Внутренне ликуя оттого, что старый приятель не особо сопротивлялся и принялся за дело, Корнев заметил:

– Давай уж, Паша, не подкачай. Сам понимаешь, Завадский – руководитель районной больницы. Я говорил, что мне сейчас уже несколько звонков сверху поступило, а ведь это только начало! Так что вникай, копай и найди мне убийцу хоть из-под земли. Ну и, конечно, ищи пропавшие картины. Непременно нужно узнать, кто же их украл.

Зверев сделал несколько затяжек, погасил окурок в пепельнице и с едкой ухмылкой заявил:

– А я и сейчас это знаю!

Корнев дернулся, вдавился в кресло спиной и спросил:

– Так кто же?

Зверев многозначительно подмигнул начальнику, поднялся, двинулся к выходу из кабинета и обронил:

– Ласка.

– погоди! Какая еще ласка? – рявкнул полковник, но дверь за оперативником уже захлопнулась. – Ну и сволочь же ты, Зверев!

Продолжая возмущаться, Корнев набрал номер оперативного отдела и приказал срочно отыскать Костина в надежде получить у него хоть какие-то объяснения.

Глава 4

Несмотря на обещание, данное Корневу, Зверев не собирался тут же ехать на квартиру к убитому главврачу. Немедленное начало расследования вовсе не входило в его планы.

Выйдя из кабинета начальника милиции, Павел Васильевич тут же принялся кокетничать с хорошенькой секретаршей полковника Леночкой Спицыной. Он томно поинтересовался, не наскучил ли ей муж и бесконечные семейные хлопоты. Когда молодая женщина изобразила удивление, Зверев тут же с наглостью, свойственной лишь ему, спросил, не желает ли она провести этот дивный вечерок, а то и ночку в приятном обществе убежденного холостяка.

Ловко увернувшись от брошенного в него карандаша, Зверев с умилением рассмеялся и, весьма довольный собой, бросился по коридору к лестничному проему. Леночка же, давно привыкшая к подобным выходкам Зверя, внутри себя посмеивалась, изображала праведный гнев, делано дула губы и громко возмущалась.

После обмена любезностями с Леночкой Павел Васильевич вышел из здания и направился к столовой авторемонтного завода, где обедали большинство сотрудников управления милиции. Плотно перекусив, Зверев вернулся обратно и направился в свой кабинет. По дороге он зашел в оперативный отдел, взял у своего заместителя капитана Дружинина материалы по делу Сычева, примерно с полчаса изучал их и только после этого поехал на улицу Южную.

До дома Завадских Зверев добрался на трамвае. Пока он ехал, дождичек, начавшийся еще утром, превратился в самый настоящий ливень. Лужи под ногами росли, и капитан ругал себя за то, что в очередной раз не прихватил с собой зонт.

Павел Васильевич наконец-то вбежал в подъезд дома номер три по улице Южной, поднялся на третий этаж и дважды нажал кнопку звонка.

На пороге оперативника встретила темноволосая статная дама с узким лицом и зелеными миндалевидными глазами.

«А этот Завадский знал толк в женщинах», – отметил про себя Зверев.

Стрижка каре, брови, подкрашенные карандашом, перманент. Несмотря на испуганный вид и морщинки, от напряжения собравшиеся на лбу, выглядела новоиспеченная вдова очень даже интригующе. Женщина куталась в черный бархатный халат с раскидистыми белыми лилиями. На ногах у нее были чулки

телесного цвета и темно-синие мохнатые тапочки на танкетке.

– Завадская Валентина Михайловна, если не ошибаюсь? – уточнил Зверев.

– Не ошибаетесь! А вы?..

Павел Васильевич показал удостоверение и спросил:

– Могу я войти?

– Сегодня здесь уже побывала милиция. Признаться, я очень сильно устала, собиралась принять ванну и лечь пораньше.

– Я понимаю вас и очень вам сочувствую, но мне просто необходимо еще раз осмотреть место происшествия и уточнить некоторые детали.

– Заходите, раз уж пришли.

Зверев вошел в прихожую, снял свой изрядно промокший пиджак и бесцеремонно повесил его в шкаф.

– Боже, вы ведь промокли! – воскликнула хозяйка. – Придется угостить вас горячим чаем. Располагайтесь, я сейчас.

– Я бы с удовольствием выпил чего-нибудь покрепче. Коньяк вполне подошел бы.

Брови женщины взлетели, она улыбнулась и заявила:

– Вы не похожи на прочих представителей правоохранительных органов, с которыми мне приходилось иметь дело.

– Мне многие это говорят.

Завадская снова улыбнулась и сказала:

– Боюсь, что вам придется довольствоваться чаем. Алкоголя в нашем доме нет. Андрей Филиппович вообще не пил. Я, честно признаться, могу выпить бокал другой сухого вина, но делаю это не часто.

Зверев пожал плечами, удрученно вздохнул и произнес:

– Чай так чай. Что уж тут поделать.

Пока хозяйка суетилась на кухне, Зверев вошел в комнату. В глаза ему тут же бросилось багровое пятно у стены. То место, где недавно лежал труп доктора Завадского, было обведено мелом.

Капитан поежился, но не оттого, что увидел, а от холода. Мокрая рубашка липла к телу. Павел Васильевич чувствовал, как мурашки бегут у него по спине.

В комнату вошла Завадская и протянула гостю шерстяной свитер.

– Наденьте это. Если вы заболаете, то кто же будет искать убийцу моего мужа? – сказала она.

Когда женщина вернулась на кухню, Зверев скинул рубашку и натянул свитер, предложенный ему. Колючая шерсть приятно щекотала спину. Почувствовав, что кровь в его жилах побежала быстрее, Зверев принялся осматриваться.

Жилище Завадских представляло собой трехкомнатную квартиру с высокими потолками и довольно большим балконом. Стены были оклеены рифлеными обоями, мебель отличалась добротностью и массивностью. Рядом с диваном был расположен резной комод с посеребренными витыми ручками. На его крышке стоял телефон, рядом с которым красовалось несколько разноцветных фарфоровых статуэток. Тут же стояла фотография худощавого мужчины в очках. Его лицо было испещрено многочисленными морщинами.

«Судя по всему, это и есть наш безвременно ушедший доктор», – решил Зверев.

Повсюду в горшках росли цветы. Полки едва не прогибались от тяжести книг, уставленных на них. У правой стены стоял резной диван из красного дерева, обтянутый кожей.

Зверев подошел к нему и стал рассматривать еще одно фото, которое висело над ним. На снимке Валентина Михайловна Завадская сидела в глубоком кресле. Рядом с ней, держась за спинку, стоял пышноволосый паренек в форме пехотного лейтенанта и сурово смотрел в объектив.

Вошла хозяйка и опустила на журнальный столик поднос. На нем стояли латунный чайник с витиеватой ручкой и сахарница с кристально-белыми кусочками рафинада. Рядом тарелка, на которой лежали бутерброды с угличской колбаской и плавленым сыром.

Зверев без малейшего колебания набросился на угощение. Отхлебнув чая, он понял, что окончательно согрелся.

Наконец, уничтожив парочку бутербродов, капитан заявил:

– Итак, давайте займемся делом. Из протокола допроса я узнал, что в пятницу вечером вы отправились в ваш загородный дом, расположенный в Барашкине, а ваш муж остался дома.

– Совершенно верно.

– А почему он не поехал! Ваш муж не любил отдыхать на природе?

– Напротив. Он обожал наш деревенский дом. Мы собирались ехать вместе, но в пятницу Андрей задержался в больнице. Он вернулся около девяти, тут же заявил, что у него возникли дела и ему в эти выходные придется поработать на дому.

– Что за работа?

– Не знаю. Андрей Филиппович не любил, когда я лезла к нему с расспросами. Узнав, что муж остается дома, я тоже решила отказаться от поездки, но муж стал возражать. Он вызвал мне такси, чтобы я успела на последнюю электричку, и буквально выпроводил меня за порог.

– Это не показалось вам странным?

- Конечно, показалось. Муж был очень возбужден, даже накричал на меня, хотя обычно вел себя очень сдержанно.

- Вы, конечно же, не знаете, чем вызвано столь необычное поведение вашего мужа?

- Увы! - Валентина Михайловна пожала плечами.

Зверев еще раз отпил из чашки, промокнул салфеткой губы и поинтересовался:

- Вы часто уезжаете в Барашкино на все выходные?

- С начала весны мы ездили туда постоянно. Андрей впервые остался дома.

- Значит, о том, что квартира будет пустовать, мог знать кто угодно?

- Разумеется. Мы не делали из этого тайны.

- Теперь о картине. Откуда она у вас?

- Видите ли, этот самый Шапиро в свое время лечился в нашей межрайонной больнице. Тогда он был еще совсем никому не известным художником и, если я правильно поняла, носил другое имя.

- Да, в те времена его звали Даня Шапировский, - сказал Зверев.

- Так вот этот самый Шапировский и подарил Андрею Филипповичу свое творение.

«Ну что ж, все вроде бы встает на свои места», - подумал он и произнес:

- Простите, а могу я узнать, что изображено на этой картине?

Валентина Михайловна усмехнулась и сказала:

– Вы же, вероятно, и сами знаете, что разобрать то, что изображено на подобных картинах, бывает довольно сложно. Вы представляете себе, что такое кубизм?

– Боюсь, что очень отдаленно.

– Я бы сказала, что на картине присутствуют хаотично расположенные угловатые фигуры. Все они лично мне ничего не напоминают. Определенно могу сказать лишь то, что в центре картины нарисованы настенные часы с кукушкой.

«В первом случае – ухо, во втором – часы с кукушкой. Это уже кое-что. Теперь можно хоть на что-то ориентироваться».

Зверев удовлетворенно кивнул и спросил:

– Скажите, а фамилия Сычев вам что-нибудь говорит?

– Кто это?

– Бывший заведующий отделением неврологии, начальник вашего мужа.

– Я его не знаю.

– Когда Сычев ушел на пенсию, ваш муж занял его место.

– А почему вы о нем спрашиваете?

– Дело в том, что тогда, в двадцать седьмом году, Даня Шапировский подарил не одну, а две свои картины врачам, лечившим его. Одна досталась Сычеву, а вторая – вашему мужу.

– И что в этом такого?

– А то, что этот самый Сычев тоже постоянно ездит на дачу вместе со своей супругой. В эти выходные в их дом проникли воры и украли у него картину Шапиро.

– Сычева тоже застрелили? – ужаснулась Завадская.

– К счастью, нет. В отличие от вашего мужа, Сычев, как и планировал, уехал за город. Возможно, именно поэтому он и остался жив.

Завадская покачала головой.

Зверев поднялся и подошел к окну. Дождь все еще стучал по карнизу.

Валентина Михайловна отрешенно смотрела в окно, сжимая обеими руками небольшую фарфоровую чашку.

Зверев подошел к дивану, указал на фото, висевшее над ним, и осведомился:

– Ваш сын?

– Да, это мой сын Александр.

– Он не похож на вашего мужа, – произнес капитан и указал на фотографию Завадского, стоявшую на комод.

– Андрей Филиппович не был отцом Саши.

– Вот оно что.

– До встречи с Андреем я уже побывала в браке. Юрий Зотов – так звали моего первого мужа.

– И где он сейчас?

– Мой муж и сын погибли, – сказала женщина и задержала дыхание.

– Простите.

– С Юрием Зотовым мы поженились в восемнадцатом, – продолжала Валентина Михайловна, голос которой слегка дрожал. – Тогда он учился на офицера.

- Где учился?

- В Новгороде, на курсах усовершенствования начсостава. Мой первый муж был родом из Пскова.

- А вы откуда?

- Я родилась в том же самом Барашкине.

- Вы не очень-то похожи деревенскую девушку.

Валентина Михайловна улыбнулась:

- Да уж. Однако это так.

- Расскажите о себе.

- Мои родители - самые обычные крестьяне. Отец воевал и погиб в Гражданскую, а мать умерла от тифа в те же годы. От моих родителей нам и достался этот дом. Окончив восьмилетку, я уехала в Псков и поступила на библиотечные курсы. Потом работала в библиотеке в Любятове, тогда-то и познакомилась с Юрой. Он приезжал на побывку. Мы целый год переписывались, а когда Юра окончил учебу и получил звание младшего лейтенанта, уехали в Карелию и там поженились.

- Александр родился в Карелии?

- Да, в двадцать шестом. В тридцать девятом Юра погиб в Финляндии, а мы с сыном вернулись в Псков.

- Где вы были во время оккупации?

- В сорок первом мы уехали в Куйбышев, к Юриной сестре. Саше тогда было четырнадцать. Потом он поступил в пехотное училище и уже в сорок пятом был отправлен на фронт, - голос рассказчицы дрогнул. - Саша погиб при освобождении Клайпеды. Почта тогда уже значительно лучше работала, чем в

первые годы войны, но похоронку я получила только в апреле, за три недели до того, как Германия капитулировала. – Валентина Михайловна замолчала.

Ее гостю было видно, что ей нелегко вспоминать этот период жизни.

Зверев чуть помолчал и спросил:

– Валентина Михайловна, а вы любили мужа?

– Юру?

– Нет, Завадского.

Хозяйка квартиры усмехнулась и сказала:

– Вас, очевидно, удивляет, что я не сильно убиваюсь о смерти Андрея Филипповича?

– Со стороны это выглядит именно так!

Завадская нервно усмехнулась и добавила:

– А еще вы наверняка подозреваете меня в убийстве мужа.

– А почему нет? – спокойно сказал Зверев. – По статистике получается, что большинство убийств совершают люди, находящиеся в близких отношениях со своей жертвой. Подозревать – это часть нашей работы. Так я повторю вопрос. Вы любили Завадского?

Валентина Михайловна задумалась, поставила чашку на комод и проговорила:

– Любила, не любила. Это сложный вопрос. Я даже не знаю, как вам на него ответить. Наверное, все-таки любила, но совершенно не так, как Юру. Представьте себе послевоенное время, голод. Я потеряла мужа и сына, осталась одна. Тут-то и появился Андрей Филиппович!

- И что же?

- Тогда он еще не был руководителем районной больницы, заведовал отделением неврологии. Мы познакомились. Он тут же предложил мне с ним поужинать, ухаживал за мной, дарил подарки, ну а потом предложил выйти за него. - Глаза Валентины Михайловны сверкнули. - А какой смысл мне был отказывать ему? Человек перспективный, уверенный в себе. После войны, когда большая часть мужчин полегла на фронтах, женщинам просто непозволительно быть излишне разборчивыми.

- Вы не пытались завести детей?

- Я не хотела, а Андрей Филиппович не настаивал. Вы не думайте, что для меня это был брак по расчету. Мы в общем-то жили неплохо. До определенного времени.

- Что вы хотите этим сказать? - Зверев насторожился.

Валентина Михайловна отвела взгляд, задумалась и ответила с грустью:

- По понятным причинам я не хотела бы этого рассказывать, но смысла молчать не вижу. Вы ведь наверняка все узнаете от других, поэтому слушайте.

Зверев просидел рядом с ней еще полчаса.

Потом, когда он возвращался домой, дождь прекратился, а на улицах уже сияли фонари.

Глава 5

Вернувшись домой, Павел Васильевич почувствовал, что его знобит. Покидая квартиру Завадских, Зверев вернул Валентине Михайловне свитер, одолженный ему, и основательно продрог, пока добирался до улицы Гоголя.

– Только простуды мне сейчас недостает, – переступив порог собственной квартиры, проворчал капитан себе под нос.

При всем своем желании он даже вспомнить не мог, когда в последний раз болел, а тут нате вам.

Войдя в ванную, он развесил на веревках мокрую одежду, потом направился на кухню и достал из серванта бутылку «Столичной». Зверев налил полный стакан, осушил его залпом, чтобы унять дрожь, напился горячего чая, покурил и улегся в постель.

Проснулся он от громкого стука. Кто-то отчаянно барабанил в дверь. Зверев включил ночник и посмотрел на часы. Они показывали четверть второго.

Павел Васильевич натянул штаны, босиком проследовал к двери и открыл ее.

На пороге стояла Зинка Матюнина, соседка, живущая напротив.

– Павел Васильевич, родненький, помоги! – истошно выкрикнула она.

Халат, распахнутый на груди, лишь наполовину прикрывал Зинкину грудь. Карман на нем был оторван и висел на честном слове. Зинка тяжело дышала. Ссадина на ее левой щеке позволяла капитану милиции сделать определенные выводы.

– Что, опять твой Степка буянит? – зевнув, пробормотал Зверев.

– Не он, а дружок его.

Степка Матюнин, живущий на одной площадке со Зверевым, регулярно доставлял беспокойство не только ему, но и всем жителям подъезда.

Он по праву считался героем войны, на фронт ушел в первые же дни войны, воевал в составе стрелкового батальона. В сорок третьем при форсировании Днепра рядовой Матюнин отморозил правую ногу. Сначала ступня посинела, потом началась гангрена, в итоге два пальца пришлось отнять.

После ампутации Степан был комиссован, вернулся в Псков и устроился слесарем в местное трамвайное депо. На работе он считался хорошим специалистом, но любил закладывать за воротник, причем делал это неумеренно и регулярно.

С Зинкой Кочиной, рыжей дородной бабой тридцати пяти лет, Степан Матюнин познакомился уже после войны. Вскоре они поженились, и Зинка родила мужу двух пухленьких девчонок. Степан любил их, но при этом постоянно жаловался на жизнь, укорял жену, так как очень хотел сына. Зинку он тоже любил, но все-таки не так, как беленькую. В целом Степка был неплохим мужиком, покладистым и трудолюбивым, но лишь пока оставался трезвым.

Степан Матюнин регулярно напивался до одури в рюмочной, находившейся неподалеку от депо. Возвращаясь домой, он во все горло горланил военные песни, не давал покоя ни соседям, ни собственному семейству.

Зинка все это терпела, но как-то раз не выдержала и принялась орать на мужа. Степка бросился на жену с кулаками, та тут же пожаловалась Звереву, и Павел Васильевич, до сей поры смотревший на буйного соседа с определенной долей благодушия – инвалид все-таки, – сделал Степке словесное внушение.

В тот день Матюнин был пьян особенно сильно и не понял предупреждения. Степка стал орать, кичиться своими боевыми заслугами, обозвал соседа поганым ментом и вшивым интеллигентишкой, чем очень сильно разозлил Зверя. В результате чего разбушевавшийся дебошир получил пару увесистых оплеух и едва не лишился еще одного пальца, но на этот раз уже на руке.

С тех пор Степка стал вести себя потише, бить жену не решался, но пить не перестал. Сегодня, увидев неистово орущую Зинку, Павел Васильевич был крайне озадачен.

– Рассказывай, что за дружок, – заспанным голосом проговорил капитан милиции.

– А пес его знает! Сам коротышка, но видно, что мужик крепкий. – Теперь соседка уже не орала, а скулила. – Накануне вместе заявили, оба пьяные! Степка мой уж еле на ногах стоял, сказал, что это приятель его. Дескать, что он у нас пока поживет. Я уж спорить с ними не стала, а они дальше пить сели.

Когда мой алкаш прямо за столом уснул, этот приятель его в спальню ввалился, скинул портки и ко мне. Я вскочила, халат накинула, а он уцепился за подол и под юбку полез.

Зверев сжал кулаки. Его правая щека начала дергаться.

– А ты что?

Глаза Зинки сверкнули.

– Я его коленкой... сам знаешь куда.

– А он?

– Скрючился весь да по стенке стек. А я, значит, шасть мимо него и к тебе.

– Дети где? – хмуро спросил Зверев.

– Так у Люськи Сорокиной. Как эти двое явились, так я сразу их к Люське и отвела от греха подальше. Чувствовала, что добром это не кончится, как в воду глядела.

Людмила Сорокина, пятидесятипятилетняя одинокая женщина, тоже была соседкой Зверева, проживала в одиннадцатой квартире. Ее муж, командир кавалерийского полка РККА, погиб в девятнадцатом под Гатчиной в боях с войсками генерала Юденича. Людмила так больше замуж и не вышла и не завела собственных детей. Зинка, которая работала фасовщицей на плодоовощной базе, часто оставляла у сердобольной соседки обеих дочерей, когда задерживалась на работе допоздна.

Узнав, что дети в безопасности, Зверев одобрительно кивнул и сказал:

– Ладно, пойду гляну, что там за дружок у твоего Степки. – Капитан сунул ноги в ботинки и хотел надеть пиджак, но не успел, потому что в этот самый момент из квартиры Матюниных донесся неистовый рык.

Зинка всплеснула руками, проскочила мимо Зверева, спряталась у него за спиной и прошипела:

- Слышишь, как орет? Здоровый такой гад! Ой, мамочки!

Из квартиры Матюниных вывалился довольно-таки приземистый детина в майке и трусах. Несмотря на малый рост, этот тип явно весил никак не менее шести пудов. При этом на его теле абсолютно не замечалось лишних отложений подкожного жира. Широкий мясистый нос, глубоко посаженные глаза и загнутая вверх нижняя челюсть с перекусом – все это тут же напомнило Павлу Васильевичу породистого английского бульдога, однако сильно обросшего и неухоженного. Коротышка глядел на Зверева своими белесыми остекленевшими глазами и словно не видел его перед собой.

Коротышка поморщился, сжал рукой ушибленное место и прорычал, обращаясь к Зинке, стоявшей за спиной Зверева:

- Слышь, ты профура! Да я же за такие дела тебя сейчас на ремни раскрою! Сперва мохнатку твою взъерошу, а потом порежу! Так-то вот, рыжая сучка! А ты, фраер, свинти отсель! До тебя мне дела нет!

- А мне есть, – сухо ответил на это Зверев.

Несмотря на то что коротышка не слабо приложился к бутылке, говорил он вполне четко, точно и не пил совсем.

- Да ладно тебе, не пыли!

Капитану было понятно, что этот субъект совершенно не боится его, а просто не видит в нем хоть какого-то соперника. Зверев ощущал, что этот негодяй вовсе не берет его в расчет, и еще сильнее распалился.

- Собирай свои манатки и проваливай! – заявил он. – В этом случае я забуду про твои выходки и обещаю, что ты уйдешь отсюда своими ногами.

- Чего? Что ты сказал, баклан?

Зверев усмехнулся и спросил:

- Ты себя-то в зеркало видел, мразь?

Брови коротышки взлетели вверх. Он явно не верил своим ушам. Хмель из его головы стал выветриваться с бешеной скоростью.

- Ну ты и борзый! А знаешь, кто я?

- Думаешь, мне это интересно?

Ладони коротышки сжались в небольшие, но довольно увесистые кулаки, широкая грудь пошла ходуном, короткая мускулистая шея напряглась, на ней стали вздуваться вены.

- Павел Васильевич, может, мне в милицию позвонить? - заверещала Зинка.

- Я и есть милиция! - рявкнул он и довольно грубо отпихнул Зинку назад. - Капитан Зверев!

- Ах, сука, так ты еще и мусор! - прохрипел его противник и втянул голову в плечи.

Звереву вдруг показалось, что еще чуть-чуть, и она исчезнет совсем, прямо как голова черепахи, втянутая в панцирь. Ему тут же вспомнилась книга Джека Лондона «Белый Клык», прочитанная им еще в детстве, где доселе непобедимый огромный бойцовский пес с примесью волчьей крови уступил в схватке маленькому и мускулистому бульдогу по кличке Чероки.

«А ведь этот крепыш наверняка способен задать мне настоящую трепку», - отметил Зверев про себя, и это его еще больше подзадорило.

В этот момент коротышка бросился вперед и сделал резкий выпад правой, целя ему в лицо.

Павел Васильевич был готов к этому, тут же увернулся и встретил противника прямым встречным в челюсть. Кулак Зверева врезался в небритый подбородок,

но тот был так плотно прижат к плечу, что голова коротышки даже не шелохнулась. Капитану показалось, что его рука врезалась в кирпичную стену.

Боль в костяшках пальцев заставила его прищуриться. Он на мгновение потерял противника из вида, тут же крутнулся, ожидая очередного удара, и прижал локоть к корпусу.

Кулак коротышки врезался ему в предплечье. Зверев ощутил боль, но не утратил способности дышать. Враг с ловкостью матерого боксера нанес ему еще несколько ударов, но капитан вертелся как ужаленный, и все они пришлись вскользь.

«Левша, – отметил Зверев и тут же поменял стойку. – Но ничего, мы и не такое видали».

Когда этот тип на мгновение приподнял голову, капитан успел достать его левым боковым. Из ноздрей коротышки брызнула кровь, точно сок из перезревшего помидора. Глаза его слезились, но он продолжал ловко маневрировать и все время уходил от ударов.

Соседняя дверь приоткрылась, но тут же захлопнулась. На верхнем этаже тоже кто-то вышел на лестничную площадку, но спускаться не спешил.

Зверев увернулся от очередной атаки, ударил снизу, и его кулак врезался противнику в ребра. Тот крикнул и захрипел. Капитан нанес боковой, но коротышка снова сгруппировался и втянул голову в плечи, поэтому удар вышел смазанным. Бить прямые было без толку, потому как при всем желании он мог попасть противнику лишь в лоб, а тот у этого резвого крепыша был подобен бычьему. Зверев пробил нижний крюк, но попал по рукам.

Коротышка же качнулся сначала влево, потом вправо, бросился вперед и врезался в капитана словно таран. Тот не успел увернуться. Противник вдавил его в стену, ухватил за шею и поджал колени, увлекая вниз. Они рухнули на холодный бетонный пол и кубарем скатились по ступенькам. Зверев рассек себе губу, ударившись о бетонную ступеньку, и его лицо тоже обагрилось кровью.

Когда они уперлись в стену, он выгнулся змеей и на какой-то миг оказался сверху. Однако радость, которую испытал капитан, была преждевременной.

Коротышка умудрился схватить его за голову и дважды треснул его головой о стену. Зверев едва не потерял сознание, обеими руками обхватил неприятеля и плотно прижался к его плечу.

Тот тяжело дышал, его пот и кровь стекали Звереву на лоб и щеки. Он ослабил хватку, тут же перекатился на другой бок, рванулся, оказался сверху и вцепился в горло капитана обеими руками.

На площадке третьего этажа показалась Зинка и во все горло вопила, просила о помощи. Но никто так и не вышел из квартиры.

Павел Васильевич почувствовал, что последние силы покидают его. Еще чуть-чуть, и поединок можно будет считать проигранным.

Зверев вспомнил войну. Они форсировали Дунай, и тогда ему тоже пришлось несладко. Разведчики шли за «языком» и напоролись на немецкий патруль. Стрелять было нельзя.

Вышло так, что перед ним оказался здоровенный немецкий солдат, гораздо крупнее и сильнее его. Фашист сбил Зверева с ног, оседлал его и принялся душить. В том бою Зверев был на волосок от смерти, но умудрился выхватить из-за голенища нож и вогнал его между ребер своему врагу.

Война закончилась, да и ножа у него не было. Поэтому Павел Васильевич собрался с силами, выпустил руки коротышки, державшие его шею, сжал правый кулак, отставил большой палец и изо всей силы воткнул его противнику в глаз. Тот заревел, схватился за лицо и вскочил.

Зверев ударил ногой. Носок его ботинка врезался в коленную чашечку. Коротышка крикнул от боли, взбежал по лестнице и исчез в дверях квартиры Матюнина.

Капитан не понял, почему его противник так быстро ретировался, поплелся вслед за ним. Он вышел на этаж и только теперь стал понимать, что это еще не конец.

Зинка, которая все это время наблюдала за дракой, заорала что было сил:

– У него пистолет!

Зверев среагировал мгновенно. Не оборачиваясь, он рванулся вперед, втолкнул Зинку в дверь своей квартиры и захлопнул ее. Задвижка щелкнула.

Капитан повалил Зинку на пол и накрыл ее собой. Тут же прогремели два выстрела. Пули пробили фанерную стену. Зверев почувствовал жуткое жжение в правом боку и сполз с Зинки. Она тут же на карачках поползла на кухню, вспоминая мамочку, бога, черта и что-то там еще.

Капитан с трудом поднялся и, преодолевая боль, прижался к стене. В горле у него пересохло. Он коснулся ребер и почувствовал, как между пальцами стекает липкая и теплая кровь.

«Достал, сука! Голова кружится, воздух не хочет входить в легкие, глаза быстро затягиваются непроглядной пеленой. Давненько я не встречал такого противника», – подумал Павел Васильевич, скривил лицо и тихо рассмеялся.

Боль тут же усилилась.

В этот момент грохнул третий выстрел.

Зверев по стенке добрался до шкафа, стоявшего в коридоре. Спустя пару секунд в его руке сверкнул вороненой сталью табельный «ТТ».

– Ну, давай, сам напросился, – сквозь зубы процедил Зверев, уже почти ничего не видя перед собой.

Зинка выглянула из комнаты и тихо прошептала:

– В милицию я уже позвонила, Павел Васильевич. Как думаешь, дверь выдержит?

– Не думаю. Но это уже не важно, – зло прохрипел Зверев.

Послышался удар. Дверь хрустнула, но не поддалась, когда коротышка в очередной раз попытался высадить ее плечом, Зверев вскинул пистолет и

дважды нажал на спусковой крючок.

Часть вторая

Лаборантка

Глава 1

Это дежурство мало отличалось от прочих. Сначала они скатались на улицу Некрасова, но вызов оказался ложным, потом выезжали на ограбление квартиры Сычева. Уже после этого им пришлось разбираться с очередным ограблением, сопряженным с убийством доктора Завадского.

Так как к Завадским они явились уже в понедельник, то суточное дежурство, которое должно было окончиться утром, затянулось до позднего вечера. Только в понедельник Веня подробно расписал все это в суточной сводке и в половине седьмого наконец-то отправился домой. В трамвае он едва не уснул. Если бы не заботливая кондукторша, своевременно толкнувшая его в бок, то парень наверняка доехал бы до конечной остановки.

Придя домой, Веня снял ботинки и пиджак и поплелся на кухню. Перед его глазами расплывались круги, голова гудела, а желудок надсадно урчал, напоминая неисправный тракторный движок. Веня поставил на плиту чайник, отрезал ломоть хлеба, посыпал его сахаром и принялся неторопливо жевать.

Он запивал свой нехитрый завтрак теплым горьковатым чаем и вспоминал события двух последних дней. Пропавшие картины, труп доктора Завадского, таинственная ласка. Все это вереницей мелькало перед его глазами, которые после съеденного бутерброда слипались еще сильнее, чем раньше. Веня кое-как добрался до постели и рухнул на нее, не раздеваясь.

Поднялся он уже во вторник, ровно в семь. Отоспавшись, Веня почувствовал себя значительно лучше. Он сварил два яйца, разогрел позавчерашний борщ и съел

все это, заправился впрок. Покончив с едой, Веня включил радио, широко распахнул окно и закурил. Из приемника полился до боли знакомый мотив. Георгий Виноградов мелодично напевал:

Хороши весной в саду цветочки,

Еще лучше девушки весной.

Веня протяжно вздохнул и подумал:

«Весна кончается. С тех пор как я перевелся из дежурки в оперативники, времени на личную жизнь у меня практически не остается».

Словно насмехаясь над расчувствовавшимся Веней, Георгий Виноградов продолжал заливаться соловьем:

Встретишь вечерочком

Милую в садочке —

Сразу жизнь становится иной.

Веня тут же вспомнил о Звере.

«Василич вот все успевает, и ест от пуза, и женщин у него, как у дурака махорки. При этом он по праву считается лучшим опером в управлении!»

Парень решил поваляться еще несколько минут, упал на кровать, и тут зазвонил телефон. Веня чертыхнулся, неспешно встал и поднял трубку. Его беспокоил дежурный по управлению старший лейтенант Лысенко.

– Зверя подстрелили! – без всяких вступлений заявил он.

– Что?! Кто? Когда? – Веня почувствовал, как внутри у него все похолодело.

– Сегодня ночью. Был вызов на Гоголя, туда Шувалов с опергруппой выехал, а там труп и Павел Васильевич наш, раненый.

– Живой хоть? Как он?

Лысенко чуть помолчал и ответил:

– Да я и сам толком не знаю. Шувалов сказал, что вроде живой.

– Вроде! Твою мать! – едва ли не прокричал Веня. – Где он сейчас?

– В межрайонной больнице. Ребята всю ночь там торчали, а под самое утро в управление прикатили. – Тут в голосе Лысенко вдруг послышалась задоринка. – Когда с трупа пальчики сняли да по картотекам проверили, так и ахнули. Представляешь, Зверь самого Фиму Басса уколошил!

– Кто такой?

– Ну ты даешь, Костин! Неужто совсем сводки не читаешь? Ефим Басс – кличка Лафет – младший брат всем известного Леонида Басса из банды самого Ленки Пантелеева. Еще скажи, что и про этого героя не слыхал.

– Про Пантелеева слышал. Его, если не ошибаюсь, еще в двадцать третьем питерские гэпэушники при задержании шлепнули.

– Все верно, его и старшего Басса. Младший в те годы еще ничем таким особенным себя не проявил, слишком уж молод был.

– Ты чего мне тут политинформацию устроил? – окрысился Веня, которому уже порядком надоел поучительный тон дежурного, однако Лысенко не унимался.

– Ты не выступай! – заявил он. – Такие вещи знать нужно. Раз сводки не читал, то хоть меня послушай, хуже не станет. Так вот, после смерти старшего братца Фима Лафет пошел по его стопам. Он отсидел три года за гоп-стоп, два года назад участвовал в разбойном нападении на продовольственный магазин в Выборге, а после этого еще и устроил перестрелку в ресторане «Антей» на Тихорецком. При этом были убиты два посетителя заведения и ранена официантка. Так что Лафета питерские опера почти два года искали, а тут бах!..

– Наш Зверь как выскочил, как выпрыгнул и грохнул этого самого Лафета, даже фамилию не спросив! Все я понял. Тебе бы, старлей, в политруки податься!

– Чего?

– Больно уж языком горазд трепать. Говори лучше, где Зверя искать?

– Пока нигде. Павла Васильевича сегодня оперировали, врач сказал, что навещать его сейчас нельзя.

Веня опешил, потянулся за куревом и спросил:

– А завтра?

– Про завтра я ничего не знаю.

– Зато много чего другого знаешь! – заявил Веня и положил трубку.

Наспех одевшись, он спустился по лестнице и трусцой побежал на трамвайную остановку.

Прибыв в управление, Костин зарылся в бумаги. Он не особенно любил рутину подобного рода, но заставил себя погрузиться в нее с головой. Глядя в бумаги, Веня считал про себя часы и минуты, которые оставались до встречи со Зверем.

Сравнивая материалы дел по обеим кражам картин Шапиро, Веня выяснил немного. Данные дактилоскопической экспертизы не особо порадовали его. В доме Завадского грабительница – если, конечно, это и на самом деле была женщина – определенно работала в перчатках. Зато на молочной бутылке, из которой кто-то кормил Манюню, имелись отчетливые пальчики, отличные от отпечатков Сычева и его жены. Это обстоятельство, разумеется, давало следствию некоторые надежды.

По данным медицинской экспертизы, результаты которой Вене принес Мокришин буквально полчаса назад, было установлено, что смерть Завадского произошла в ночь с воскресенья на понедельник. Убийца сначала всадил пулю в

грудь жертвы, а потом сделал контрольный выстрел в голову.

Читая отчет, Веня сдвинул брови. Этот вор определенно не хотел оставлять живого свидетеля, раз стрелял дважды. Баллистическая экспертиза показала, что пули были выпущены из девятимиллиметрового «люгера» в упор. Убийца определенно знал толк в оружии и умел с ним обращаться.

Веня ломал голову. Неужели миниатюрная женщина, собираясь влезть в форточку, и впрямь стала бы брать с собой такую довольно тяжелую штуку, как этот немецкий пистолет?

Парень сильно нервничал. Ему чертовски хотелось, чтобы сейчас здесь был Зверев и в свойственной ему манере раскопал бы что-нибудь такое, что было не под силу Вене Костину. Волоски, обнаруженные в квартире Сычевых, и вовсе вызывали у него ступор.

С работы Веня сбежал пораньше. Он даже не подумал оповестить о своем уходе капитана Дружинина, в отсутствие Зверева выполнявшего обязанности начальника отдела.

Дома парень все время дергался, гадал, что же такое решил поручить ему Зверев.

Утром в среду Веня вновь направился на работу, отсидел на пятиминутке, которую проводил Дружинин. Тот лишь вскользь упомянул об ограблении Сычева и убийстве Завадского, так как у него была целая куча собственных дел.

Дождавшись трех часов, Веня вышел из управления и отправился на Ленинградку. Именно там находилась межрайонная больница, в которую угодил Зверев. Еще недавно ее возглавлял Завадский.

Автобуса ему пришлось ждать довольно долго, и Веня уже ругал себя за то, что не пошел пешком. Когда тот наконец-то прикатил, на остановке уже собралась целая толпа. Парень пропустил вперед несколько особо суесящихся старушек и оказался последним. Он уже было поставил ногу на приступок и вдруг увидел молодую женщину в синем ситцевом платье, с сумкой-корзинкой в руке. Она

бежала к автобусу, звонко цокая каблучками, и прижимала к голове бордовый велюровый берет, готовый вот-вот слететь.

Места внутри практически не осталось, но Веня все же отступил и застыл у входной двери. Он пропустил женщину вперед и втиснулся в битком набитый салон. Дверь захлопнулась, и автобус тронулся с места.

Только сейчас Веня ощутил, как сильно он прижался к незнакомке.

Та смутилась, тут же прижала к груди свою сумочку, стараясь создать между ними хоть какой-то барьер, и довольно резко осведомилась:

- Вы специально это сделали?

- Что сделал? - поинтересовался Веня.

- Пропустили вперед, а теперь третесь об меня!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/sharapov_valeriy/assistant-ubiycy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)